

Возрожденский Вестник

№ 10
31.01.2014

От редактора

Как быстро летит время.. Сегодня день рождения Евгения Сергеевича Красницкого. Талантливый человек — многогранен, и все, чем бы он не занимался — интересно. В этом номере его мысли о культуре «Эпос и соцзаказ» и «Байки от КЕСа».

Мы читаем его и учимся.

Главный редактор «ПВ»
Andre

Они были наиболее популярны, в технические ВУЗы были жуткие конкурсы, и туда шли талантливые люди, которым мало было только профессии. Они и писательствовали, и популяризировали именно свое научное, профессиональное направление.

На меня учительница физики страшно злилась из-за того, что я знаю, но совершенно ясно видно, что это не из учебника. Потому что они как-то дополняли учебник, а

ЭПОС И СОЦЗАКАЗ

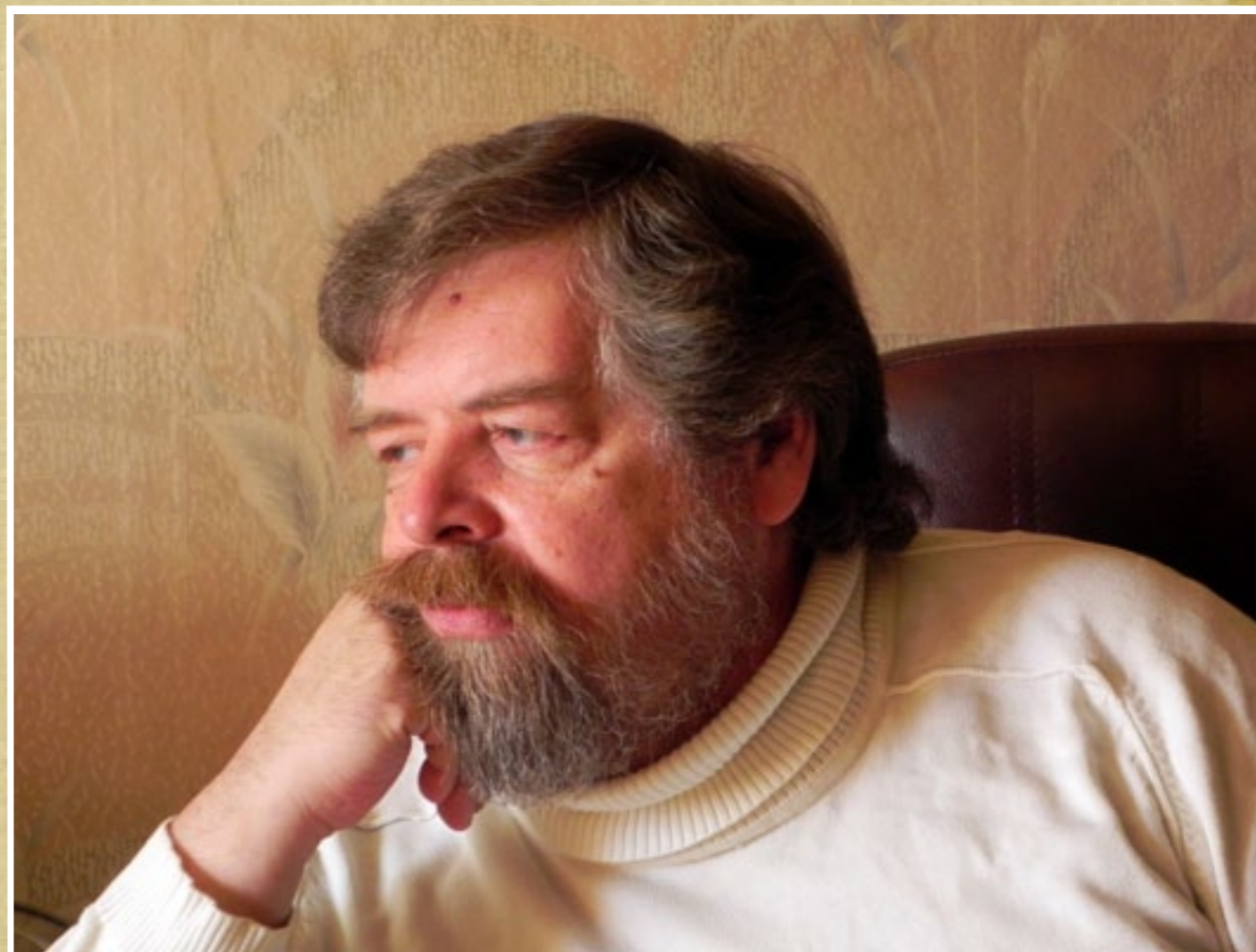
Из беседы после просмотра лекции по русским былинам по ТК «Культура», в которой упоминались книги Князя.

http://tvkultura.ru/video/show/brand_id/20898/episode_id/155730/video_id/155730/viewtype/

КЕС: Научная фантастика, научно-фантастические произведения не обязательно должны быть научно-техническими. Физико-технические — это 60-е годы. Тогда была эпоха естественных наук.

то еще и более глубоко рассказывали о каких-то вещах.

Это тогда проявлялось не только в фантастике. Помнишь, был такой сериал «Следствие ведут Знатоки»? И был еще такой пан Зюзя — Зиновий Высоковский, юморист такой. Я однажды слышал, как он говорил: «Вы знаете, постепенно я ловлю себя на мысли, когда смотрю сериал «Следствие ведут Знатоки», что его надо бы показывать по учебной программе, потому что там все это подробно разбирается».

Красницкий Евгений Сергеевич
Фото И. Кирсанова

Сейчас популярны гуманитарии и они тоже популяризируют свое. Есть фантастика биологическая, есть социальная. Правда, она больше упирается в постапокалипсис, но это искусственно создаваемая ситуация, когда исследуется процесс формирования общества в каких-то экстремальных условиях.

КЕА: Ну да, тот же самый Круз — «Мир мертвых».

КЕС: Да. Это реакция социума на экстремальные условия. Круз дает очень интересное сравнение нашего социума и американского, как они реагируют. Выводы там очень интересные. Например, в качестве положительного аспекта он приводит, что в Америке много оружия на руках у людей, и

они могут защищаться. А у нас это компенсируется тем, что военные начинают раздавать оружие и т.д.

Но есть и другое — былинность, то есть квазиистория. Я бы сказал, что это не та история, которая была, а та, которую хотелось бы иметь. Например, когда герои единым ударом отражают татарское нашествие, или еще чего-то. И серия про попаданчество в сталинские времена — это реакция на то, что было в 90-е годы, когда это время шельмовали, поливали грязью, дескать, войну выиграли одними штрафбатами, генералы наши были «мясники» — воевали затратными методами, Сталин был идиот, допустил до такого и все такое прочее...

И ребята доигрались — вот эти шельмователи, что появился социальный заказ на антитезу. То есть на книги, где герой попадает туда, это все дело исправляет, причем Сталин нигде не выглядит идиотом, Берия нигде не выглядит злодеем.

Тут тоже есть две интересные вещи. Былины... Ведь эти попаданцы сами не являются князьями, они им служат и здесь, в современных книгах то же самое. Обрати внимание, это только у Звягинцева давным-давно было, как они там в Сталина вселились и начали от его имени управлять, а здесь же все попаданцы не вселяются в Сталина — они ему служат. То есть вот этот былинный мотив тоже начинает повторяться. И это гораздо интереснее. С другой стороны, например, четыре книги,

первая — «Спасай Россию» и там это все уже по-другому выглядит. Там былинности, в общем-то, и нету, но это немножко другой жанр.

Есть у меня такое соображение, что социальный заказ на эпос бывает в разные периоды истории. Скажем у славян-язычников был свой эпос, мы его практически не знаем. Я где-то наткнулся, что кривичи происходят от Скревы, дреговичи ещё от кого-то... Сейчас этого почти никто не знает, зато есть Илья Муромец, Алеша Попович, Добрыня Никитич...

КЕА: Алеша Попович — само имя уже говорящее.

КЕС: Да, это все уже времена Владимира и позже, это уже времена христианские, то есть тогда была первая отсечка. Может, были и ещё, но на мой взгляд, вторая отсечка случилась в семнадцатом году: все предыдущее было отторгнуто, все объявлялось неправильным, и советская власть начала создавать советское искусство — советский эпос.

В студии Грекова были написаны первые картины — «Тачанки вперед», «Трубачи Первой Конной».

Появилось кино — «Чапаев», «Путевка в жизнь», трилогия о Максиме. В песенном репертуаре тоже что-то такое было: «От тайги до британских морей — Красная армия всех сильнее», хотя на самом деле это было совсем не так. То есть опять не та история, которая была, а та, которую хотелось бы.

Взять события Октябрьской революции — этот эпос преподносит взятие Зимнего как главный акт — ЭТО революция, а на самом деле взятие Зимнего было между делом, не это важно.

КЕА: А вот телеграф, почта...

КЕС: Почта, телеграф, телефон, подавление восстания юнкерских училищ. Да и руководил то восстанием Троцкий. Не Сталин, не Ленин, а Троцкий!

А когда начали создавать свой эпос, то коммунизм, как наука, стал превращаться в религию. Во-первых, это легенда об умирающем и оживающем боге. Сталин — это Ленин сегодня. Во-вторых, на местах стали появляться свои «местночтимые святые» — революционеры — им памятники...

КЕА: У нас, например, в Орехове, к месту и не к месту поминали про Морозовскую стачку.

КЕС: Морозовская стачка, в Азербайджане — 26 Бакинских комиссаров...

КЕА: На Дальнем Востоке — Сергей Лазо.

КЕС: Да. На Украине — Щорс, Пархоменко. То есть создавался эпос.

Пришло время, начали отвергать советские времена.

Более старый эпос — про Илью Муромца, сейчас не дает ответов на нынешние проблемы, или, как принято говорить — вызовы времени. А что такое эпос? Эпос — это самовыражение социума, его предпочтения, отрицания.

Опять же, хочется пишущим про попаданцев во времена войны иметь вот ТАКУЮ историю — и получился вот такой ответ социума. И ведь никто официально не выдвигал эту проблему, ни правительство, и никто...

КЕА: Это ответ именно самого общества.

КЕС: Самого общества... и книги расходятся!

КЕА: Была потребность кому-то высказаться, написать про это, и существует громадная потребность читать про это. А иначе бы таких тиражей и такого количества книг не было.

КЕС: И что бы тут ни делали, как бы тут ни вертели, а для тех, кто эти книги читал, история была вот ТАКОЙ, и хоть тут тресни. Поэтому я не удивлюсь, если сейчас начнется рождаться какой-то свой эпос, и он, по всей видимости, будет носить некий объединительный характер, то есть восстанавливать непрерывное течение Истории. Не будет отдельно Советского периода, отдельно Императорского, отдельно дотатарского. Это нечто сквозное пойдет, потому что все уже утряслось, все уже было давно, для нынешних школьников первая и вторая Отечественная война — это где-то там, далеко.

КЕА: Примерно там же, где и татаро-монгольское нашествие, и Куликовская битва

КЕС: Да, да, примерно то же. Для нас война — это наши родители, а для них уже все давно. Поэтому и нужно нечто объединяю-

щее, рассказывающее об одной, сквозной общей Истории. В конце концов, была антитеза, я не знаю насколько она востребована, но во всяком случае совершенно иной взгляд на Ивана Грозного, в «Боярской сотне» Прозорова, тоже довольно интересно...

Иван Грозный — для нас привычно, что он злодей, убийца и все такое прочее... А когда в России появились первые церковно-приходские школы? Указом Ивана Грозного. Когда впервые в России, вообще в мире или, по крайней мере, в Европе были проведены выборы местного самоуправления? При Иване Грозном. Когда появились карантинные? При Иване Грозном. И из Европы к нам уже не одна эпидемия больше не дошла.

Вот. То есть демократ, просветитель.

«Садист и убийца»... Да? Но он же был современником Варфоломеевской ночи. И он вел, строго вел личный поминальник, куда записывал людей, убитых по его приказу, он за них молился, поминовения заказывал. Там чуть-чуть больше тысячи человек, меньше чем тысяча сто — это несколько минут Варфоломеевской ночи вообще-то.

Мы привыкли рассматривать нашу историю отдельно, а ведь это было такое время: Варфоломеевская ночь во Франции, зверства Испанцев в Голландии, движение гёзов...

КЕА: Это Генрих VIII и изгнание католиков из Англии, разрушение монастырей

КЕС: В это же время?

КЕА: Это пораньше. Генрих VIII — отец Елизаветы, а Иван Грозный к ней сватался. Это где-то лет на двадцать пораньше.

КЕС: То есть это было в духе времени, и у нас, опять же, не носило такого зверского характера, как в Европе. Вот кто-то из писателей писал, что все костры России — это одно большое Мадридское аутодафе. Так же и тут, жуткие зверства Ивана Грозного, по сравнению с тем, что происходило в Европе, в общем-то — ничего особенного.

Но, видимо, антитеза на шельмование Ивана Грозного не так востребована, да его меньше и шельмуют.

КЕА: Ну, собственно говоря, только фильм «Иван Грозный» и все.

КЕС: Да Эйзенштейн его и снимал не про Грозного, а про Сталина. А мы получили вот та-

кую штуку, в общем ключе мордования России.

КЕА: Где-то я читала такое: Иван Грозный, за свою жестокость прозванный Четвирты. На английском, конечно.

КЕС: Вот эта твоя ремарка — очень к месту. Для тех, которые способны написать такое... Уровень таких знаний правится вовсе не какими-то циркулярами или параграфами в учебниках — они их просто не читают, а циркуляры им пофиг. Вот эти штампованные знания малограмотной публики правятся приключенческой литературой, в которую вкладываются правильные знания. Тогда у них незаметно формируются личные убеждения, и хрен их потом перешибешь! Это лучшее лекарство от всяких шельмователей, или тех, кто сенсационные открытия в области истории делает: Фоменко или еще кто.

Вот это — то, что уже вбилося в мозг, это уже ничем не выбить.

КЕА: Тем более в мозг поколений.

КЕС: Да, в мозг поколений, и ничем не вышибешь, и они сами не заметили, что им вбивали якобы низкопробной литературой. Я всегда говорю — «якобы». То, что читается сотнями тысяч людей, в принципе уже социальное явление, а не просто рядовой товар, потому что оно действует на мозги сотен тысяч людей, а они, соответственно, дальше воздействуют на свое окружение и т.д.

Пусть литература низкопробная — детективы или любовные романы, или еще что-то, но заложите туда нужные вещи, и не понадобится опровергать всех этих очернителей, фальсификаторов и т.д. Массовое сознание их и без того просто не примет: человек не знает, откуда знает об этом — но он ЗНАЕТ! Вот ТАК было — и все!

Поэтому мне и не стыдно за то, что я пишу, хотя, в общем-то, я считаю это ширпотребом. Но ТАКОЙ ширпотреб тоже нужен!

Мать моя на пенсию вышла, купила себе дом в Псковской области — дачу. И от снега до снега там жила, в этой деревеньке, а там всего ничего — двенадцать домов, причем старики живут всего в четырех. А до войны в деревне было больше ста семей, двенадцать мужиков вернулось с войны — двенадцать домов сохранилось.

Но там у одного мужика — я о-бал-дел! — ездит на Виллисе, вот том самом еще, что по ленд-лизу

Байки от КЕСА

выпускали. У него сделаны крыша, дверцы — все там, даже печка есть! Ну, в общем, сделано, чтоб комфортно. Виллис такой хороший, с лебедкой впереди, самовытаскиватель — лебедка, значит. В деревне это сказка, а не машина. Проходимость у неё, как у трактора!

В сорок каком-то году, хоть убей, не помню — сорок шестой, сорок седьмой — сразу после войны,

он жил на Дальнем Востоке. А там американцы принимали ту технику, ленд-лизовскую, но которая не была использована, её сдать надо было... Ведь сволочи, требовали, чтоб все было — все комплектующие, ящик с инструментом — все! Вот это им сдавали, они принимали, а потом машину тут же прямо под пресс — хрясь! и все. Наши мужики плакали.

Мне по-разному рассказывали: вроде он где-то ехал и мужик голо-сует на дороге и стоит «Победа».

Точно, уже и «Победа» была, значит, конец сороковых. У этого мужика жена в машине, рождает, он вез ее в роддом и машина встала. Этот, псковской, что называется, вошел в положение, из своей машины что-то вытащил, ему вставил что-то по электрике. Ну, мужик с женой уехал, а этот потом как-то добирался, тормознул грузовик, его — на буксире

Тот, кого он выручил, его нашел потом — оказался военный.

«Пойдем, — говорит, — я тебе обязан по гроб жизни.»

Приводит — стоят эти Виллисы, новенькие, да еще и с прицепами. Он говорит, выбирай, а в соседнем складе — запчасти. Нагружай, сколько влезет и в прицеп, и в этот Виллис. Американцы тоже выпить любят и все вопросы решаются.

Мужик потом этот Виллис с огромным трудом на железную дорогу пристраивал, когда сюда перебирался, там же не проехать было.

И еще в конце восьмидесятых годов(!), он на этой самой машине ездил и горя не знал. Ему все жутко завидовали. Ни снег, ни грязь — ничего не страшно. Он других этой лебедкой вытаскивает, там все у него друзья кругом. Машина такая, прицепи плуг и пахать можно, в общем-то.

Он себе под картошку и огород пахал: машину ставил на тормоза, на колодки какие-то, а плуг тягал вот этой самой лебедкой. Нанимал какого-то пахаря, который был с плугом, а сам в машине сидел, лебедку включал — она и тянула. Тому нравилось! Так-то лошадь погонять все время нужно, а тут тянет ров-

ненько, с одной скоростью, одно удовольствие.

В последнее время, правда, уже с резиной сложно было, не достать таких размеров, но он как-то приспособливается. И был там до старости Первый Парень на деревне.

Еще случай — про мужика, который там себе кабанятину заготавливал.

Избушка его немножко в стороне от деревни стояла. И картофельное поле между избушкой и лесом. У него, как на фронте, понимаешь, поле колючей проволокой огорожено, и банки висят консервные, а внутри них камешки лежат.

Кровать его стояла у окна. Над кроватью висело ружье и полочка с патронами.

Банки загремят, он окошечко откроет — ага, кабан пришел покушать, он его прямо из окна — хрясь! Потом утречком отрезает кусочек и в райцентр, везет в лабораторию — можно есть или нет. Там кабаны тоже сейчас... те еще!

И там для него два выхода, но оба — хорошие. Если мясо заразное, его менты на мотоциклах привозят назад бесплатно — в автобусе не надо платить — чтоб составить акт, что тушу сожгли. А если хорошее, то он с мясом, значит!

Я, собственно, как узнал эту историю: старуха бежит, за ней этот мужик, с ружьем, прикладом её пытается достать. Его хватают, успокаивают потом... Время прошло, мы спрашиваем: а чего там было-то?

А было вот как. Он ей строгонастрого: «ружье и патроны не трогать, никогда! Не бабье дело!» и всё такое. А она пыль с полочки вытирала и перепутала ему патроны, а у

Ближники Мишкины!

Стояли эти мальчишки много лет перед Туровским Домом культуры неприкаянные, пока не нашёлся добрый человек и не увековечил их уже в слове. И теперь их знают и любят!

него стояли — слева с жаканом, с другого краю — с дробью.

Он услышал ночью — гремит. Открыл окошко, взял ружье: медведь, мать честная! И он берет, понятно, с жаканом. Заряжает, у него ещё не шестнадцатый обычно, а двенадцатый калибр, там такая штука — будь здоров! Хрясь! — у медведя только пыль со шкуры летит и ничего больше.

Ну, да. Ну, переставила, пока пыль вытирала. Ведь как женщина-то пыль вытирает: она патроны сгребла, пыль с полочки вытерла, с них тоже вытерла, и потом красненькие гильзы к красненьким, желтенькие к желтеньким, аккумуляторно так поставила.

Он раз пять в медведя стрелял, пока до него дошло, что что-то тут не то. Почему его хватило на пять раз выстрелить? А медведь сразу после первого же выстрела дернул бежать и запутался в этой проволоке, и, в конце концов, убе-

жал, да на себе унёс и проволоку, да ещё два столба из земли выдернул!

Мужику потом пришлось с егерями идти его искать, потому что такого медведя нельзя оставлять. В общем, изматерился он! (смеется)

Медведя-то потом нашли — он уже и сам подох. Его все-таки дробью так нашпиговали да проволокой этой его ободрало. Ну, а жене он тогда на всю оставшуюся жизнь объяснил, что НЕ НАДО пыль вытирать! Когда надо будет — он сам вытрет.

*Байки со слов КЕСа записывала
КЕА*

*Редколлегия:
Andre, KEA, BLR, Sanyaveter,
Marochka77*

*Отпечатано с досок в
Академии Михаила
архангела
типографии.
Тираж 0001 экз.
Вып. редактор
Andre*

